

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Буря перемещает вывески (Как буря перевесила вывески)

В старину, когда дедушка, отец моей матери, был ещё совсем маленьким мальчуганом, щеголял в красных штанишках, в красной курточке с кушачком, и в шапочке с пёрышком, – вот как тогда наряжали маленьких мальчиков – так в то время и всё было иначе, чем теперь. Тогда часто устраивались такие уличные торжества, каких нам уж не видать: мода на них прошла, устарели они. Но куда как занятно послушать о них!

Что было за торжество, когда сапожники меняли своё главное цеховое помещение и переносили цеховую вывеску на новое место! Они шли целую процессией; впереди несли шёлковое цеховое знамя, на котором красовался большой сапог и двуглавый орёл; затем, шли младшие подмастерья с «заздравным кубком» и «цеховым ларцом»; на рукавах у них развевались красные и белые ленты; старшие же несли шпаги с воткнутыми на острие лимонами. Музыка гремела вовсю, и лучшим из инструментов была «птица», как называл дедушка большой шест с полумесяцем на верхушке; на шесте были навешаны всевозможные бубенчики и позвонки, – настоящая турецкая музыка! Шест подымали кверху и потряхивали им: динг-данг! В глазах рябило от сияющих на солнце золотых, серебряных и медных погремушек и украшений!

Перед шествием бежал арлекин в платье, сшитом из разноцветных лоскутков; лицо его было вымазано сажей, на голове колпак с бубенчиками – ну, словно лошадь во время карнавала! Он раздавал своею складною палкой удары направо и налево; треску было много, а совсем не больно. В толпе же просто давили друг друга! Мальчишки и девчонки шныряли повсюду и шлепались прямо в канавы; пожилые кумушки проталкивали себе дорогу локтями, хмурились и бранились. Повсюду говор и смех; на всех

лестницах, во всех окнах, даже на крышах виднелись люди. Солнышко так и сияло; случалось, что процессию вспрыскивал и дождичек, но дождик – благодать для земледельца, так не беда, если даже горожане промокнут насквозь!

Ах, как дедушка рассказывал! Он, ведь, сам видел все эти торжества, во всём их блеске. Цеховой старшина взбирался на помост под повешенную на новое место вывеской и держал речь в стихах, будто сам был стихотворцем. Да оно так и было: он сочинял эти стихи вместе с двумя другими товарищами, а чтобы дело шло на лад, они предварительно осушали целую миску пунша. Народ кричал ему в ответ «ура», но ещё громче раздавалось ура в честь арлекина, когда тот выходил и передразнивал оратора. Шут презабавно острил, попивая мёд из водочных рюмок, которые потом бросал в толпу, а люди ловили их; у дедушки даже хранилась такая рюмочка; её поймал один каменщик и подарил ему. То-то было веселье! И вот вывеска висела на новом доме вся в зелени и цветах.

«Такого торжества не забудешь никогда, до какой бы глубокой старости не дожил!» – говаривал дедушка; и он таки не забыл, хотя и много хорошего видел на своём веку. Много о чём мог он порассказать, но забавнее всего рассказывал о том, как распорядилась вывесками в большом городе буря.

Дедушке ещё мальчиком довелось побывать в этом городе вместе со своими родителями, и это было в первый раз в его жизни. Увидя на улице толпы народа, он вообразил, что здесь тоже готовится торжество перемещения вывесок, а сколько их тут было! Если бы собрать да развесить их по стенам, понадобилась бы сотня комнат! На вывеске портного были нарисованы всевозможные костюмы; он мог перекроить любого человека из грубого в изящного. На вывеске табачного торговца красовались прелестные мальчуганы с сигарами во рту, – ну, совсем, как живые! На некоторых вывесках было намалёвано масло, на других – селёдки, на третьих пасторские воротнички, гробы и всевозможные надписи. Можно было с утра до вечера ходить взад и вперёд по улицам и досыта налюбоваться этими картинками да кстати и разузнать, где какие живут люди, – они, ведь, сами вывешивали свои вывески. А это очень хорошо в таком большом

городе – говорил дедушка: очень полезно знать, что делается за стенами домов!

И надо же было случиться с вывесками такой оказии, какая случилась с ними как раз к прибытию в город дедушки. Он сам рассказывал об этом, и без всяких плутовских ужимок, означавших, – как уверяла мама – что он собирался подурочить меня. Нет, тут он смотрел совсем серьёзно.

В первую же ночь по прибытии его в город, разыгралась такая буря, о какой и в газетах никогда не читали, какой не запомнили и старожилы. Кровельные черепицы летали в воздухе, старые заборы ложились плашмя, а одна тачка так прямо покатила по улице, чтобы спастись от бури. В воздухе шумело, гудело, выло, буря свирепствовала. Вода выступала из каналов, – она просто не знала, куда ей деваться в такой ветер. Буря проносилась над городом и срывала с крыш дымовые трубы. Сколько покривилось в ту ночь церковных шпилей! И они не выпрямились уже никогда!

Против дома старого, почтенного и вечно опаздывавшего брандмайора стояла караульная будка; буря не захотела оставить ему этот знак почёта, сорвала будку со шкворня, покатила по улице и – что всего удивительнее – оставила её перед домом, где жил бедняк-плотник, спасший на последнем пожаре из огня трёх человек. Конечно, сама-то будка не имела при этом никакого злого умысла!

Вывеску цирюльника, большой медный таз, сорвало и занесло в оконное углубление дома советника. Это уж смахивало на злой умысел, – говорили соседи – все, ведь, даже ближайшие приятельницы, называли госпожу советницу «бритвою». Она была так умна и знала о людях куда больше, чем они сами о себе!

Вывеска с нарисованною на ней сушёною треской перелетела на дверь сотрудника одной из газет. Со стороны бури это было плоской шуткой; буря, видно, забыла, что с сотрудником газет шутки плохие, – он царь в своей газете и в собственных глазах. Флюгерный же петух перелетел на крышу соседнего дома, да там и остался – в виде злейшей насмешки, – говорили соседи.

Бочка бочара перенеслась к мастерской дамских нарядов.

Меню кухмистра^[1], висевшее в тяжёлой рамке над его дверью, буря поместила над входом в театр, мало посещаемый публикою. Забавная вышла афиша: «Суп из хрена и фаршированная капуста». Но тут-то публика и повалила в театр.

Лисья шкурка, вывеска честного скорняка, повисла на ручке колокольчика у дверей одного молодого человека, который не пропускал ни одной церковной службы, смотрел «сложенным дождевым зонтиком», стремился к истине и был «примерным молодым человеком», по отзыву своей тётки.

Вывеска с надписью «Высшее учебное заведение» перенеслась на бильярдный клуб, а самое учебное заведение получило вывеску с надписью: «Здесь вскармливают детей на рожке^[2]». И остроумного в том ничего не было, — одна неучтивость, но с бурей, ведь, ничего не поделаешь — вздумала и сделала!

Ужасная выдалась ночка! К утру — подумайте только! — все вывески в городе были перемещены, причём в иных местах вышла такая злая насмешка, что дедушка даже и говорить о том не хотел, а только посмеивался про себя, — я это отлично заметил — значит, у него было что-то на уме!

Бедные городские жители, особенно же приезжие, совсем сбились с толку, попадали совсем не туда, куда хотели, и что мудрёного, если они руководились только вывесками! Иным хотелось, например, попасть в серьёзное собрание пожилых людей, занимающихся обсуждением дельных вопросов, и вдруг они попадали в школу к мальчишкам-крикунам, готовым прыгать по столам!

Многие ошибались церковью и театром, а это, ведь, ужасно!

Подобной бури в наши дни уж не было; это только дедушке довелось пережить такую, да и то мальчуганом. Подобной бури, может быть, и вовсе не случится в наше время, а разве при наших внуках. Но уж надеемся и пожелаем, чтобы они благоразумно оставались по домам, пока буря будет перемещать вывески!

^[1]Кухмистер – устар. содержатель кухмистерской, небольшого ресторана, столовой.

^[2]Рожок – бутылочка для кормления детей.

 Загрузка...